

Библиотека „Дѣтскаго Чтенія“.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ХЕРСОНЕСЪ

древній городъ Корсунь.

М. Н. Ремезова.

(Съ рисунками).

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

„Дѣтское Чтеніе“.

МОСКВА, Большая Молчановка, домъ Д. И. Тихомирова, № 24

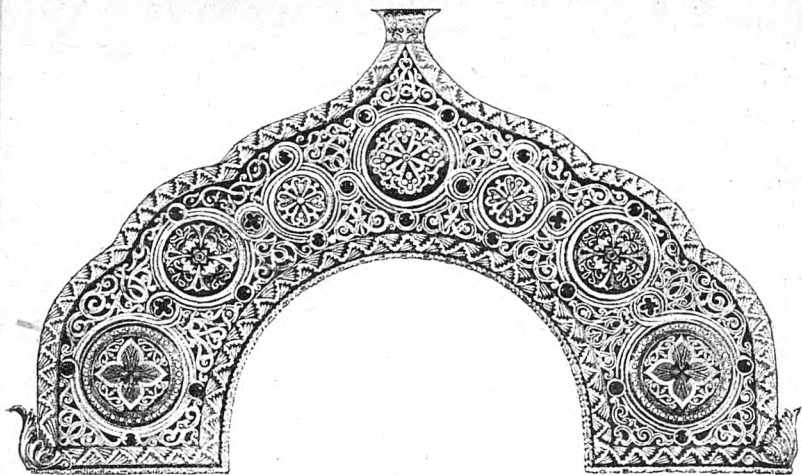

МОСКВА,

Типо-литографія А. В. Васильева, Петровка, д. Обидиной

1900.

Дозволено цензурою. Москва, 30 октября 1899 г.

Разсказы изъ русской исторіи.

I. Херсонесъ.

Древній городъ Корсунь.

Я нѣсколько разъ былъ въ Севастополѣ, красавцѣ-городѣ, прославленномъ осадою его, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, соединенными войсками тогдашнихъ союзниковъ: французовъ, англичанъ и итальянцевъ, вступившихъ за Турцію, почти погибавшую подъ ударами русскаго флота на Черномъ морѣ и русскихъ армій на Дунаѣ и въ Закавказьѣ. Если бы не это заступничество, организованное, главнымъ образомъ, по настоянію и почину Наполеона III, въ угоду своекорыстной политикѣ Англіи, намъ не пришлось бы, вѣроятно, вновь вести тяжелую войну съ Турціей въ 1878 году, и освобожденіе славянъ Балканскаго полуострова, сербовъ и болгаръ, совершилось бы двадцатью пятью годами ранѣе при значительно меньшихъ усиліяхъ и жертвахъ съ нашей стороны.

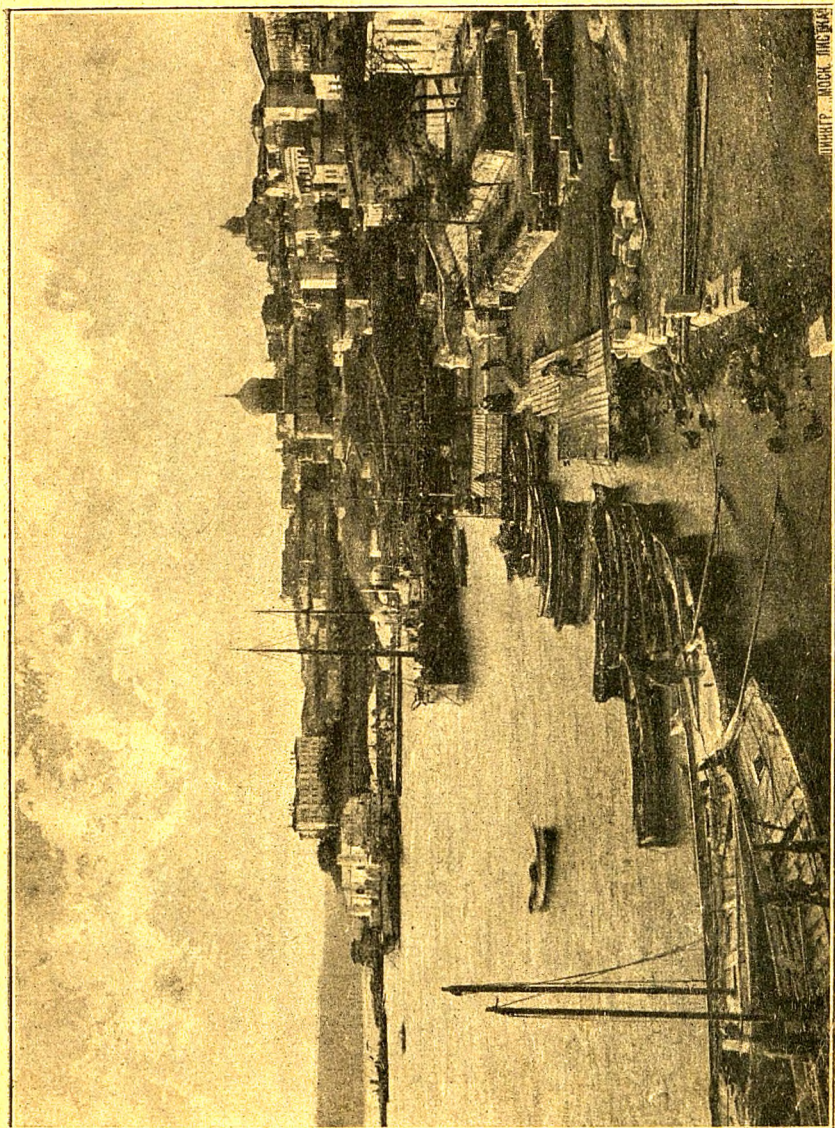
Въ то время Севастополь, съ его чудными бухтами, единственными въ Европѣ, по своей громадности и красотѣ, былъ сильно укрѣпленнымъ портомъ, и городомъ, совершенно открытымъ съ суши.

Нашъ флотъ, почти исключительно парусный, не могъ, конечно, состязаться въ морѣ съ соединенными морскими силами четырехъ державъ и помѣшать высадкѣ союзныхъ войскъ на берега Крыма. Энергичными распоряженіями главнокомандующаго князя Горчакова, адмираловъ Корнилова и Нахимова и инженернаго полковника Тотлебена была наскоро устроена оборона Севастополя съ суши.

Началась героическая защита города, длившаяся одиннадцать мѣсяцевъ. Это—одна изъ наиболѣе скорбныхъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, изъ славнѣйшихъ страницъ нашей военной исторіи. Только огромному превосходству вооруженія союзниковъ принуждены были уступить наши доблестные воины и отойти на сѣверную сторону, оставивъ въ рукахъ непріателя почти совершенно разрушенный городъ, въ которомъ до сихъ поръ еще не совсѣмъ изгладились слѣды ужаснаго разгрома.

Тѣмъ не менѣе Севастополь, благодаря дивному мѣстоположенію, представляется истиннымъ красавцемъ, съ его прекраснѣйшими, оригинальными храмами, съ его суровыми фортами, загораживающими гигантскія бухты, съ величавымъ и простымъ „Братскимъ кладбищемъ“, такимъ же простымъ и грандіозно-спокойнымъ, какъ тѣ подвиги, которымъ оно служить достойнымъ памятникомъ. На этомъ огромномъ кладбищѣ нѣтъ ни намека на человѣческое тщеславіе, на желаніе превозноситься; нѣтъ ни одной ноты, напоминающей „Громъ побѣды раздавался“...

Надъ „братскими“ могилами я читалъ глубоко трогательныя надписи: „Здѣсь погребено столько-то сотъ, или столько-то тысячъ воиновъ, павшихъ на защиту отечества, такого-то числа“.—И только. Они исполнили свой долгъ пе-

Общій видъ Севастополя.

ПРИНТЪ МОСК. ЛАСТЕРИ

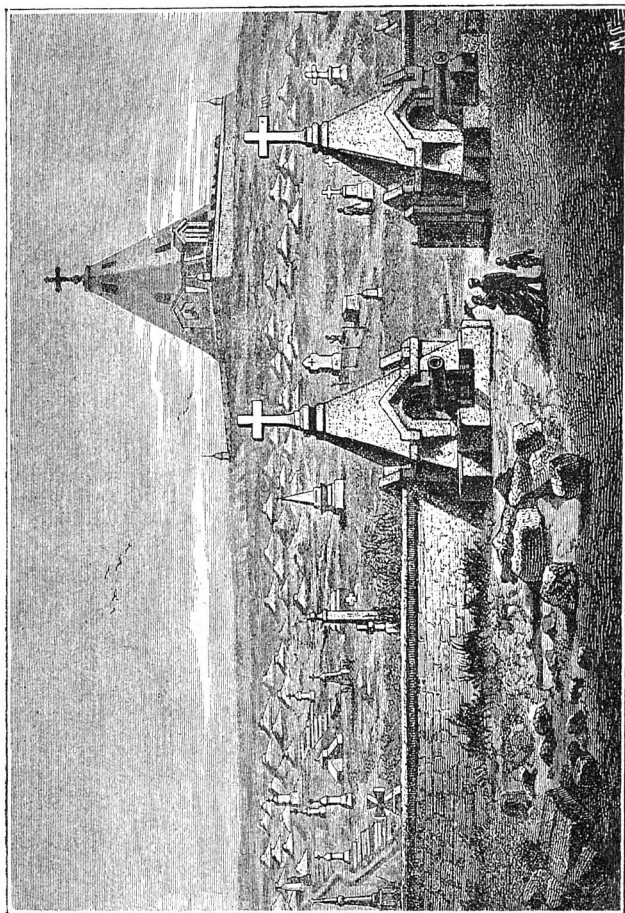
редь отчизной, они сдѣлали то, что должны были сдѣлать и сдѣлать иначе не могли.

Война—дѣло ужасное; дай Богъ, чтобы хотя когда-нибудь осуществилась благая мысль, или мечтаніе, тѣхъ, кто думаетъ о возможности упразднить человѣкоубойство:—„блаженны миротворцы, яко тѣи сынами Божиими нарекутся“. Но до тѣхъ поръ, пока не упразднено человѣкоубойство на войнѣ, нѣтъ заслуги бѣльшей, какъ „положить душу свою за други свои“. А нѣтъ и быть не можетъ у насъ бѣльшаго друга, какъ наша общая мать, земля русская.

Какъ только я вошелъ на это „Братское кладбище“, съ первыхъ же шаговъ я почувствовалъ, что во мнѣ совершается какой-то большой переворотъ, изъ какихъ-то глубокихъ тайниковъ души поднимается новое, неизвѣданное до того чувство, смутное, неопредѣлимое, но несомнѣнно поднимающее меня на совершенно особливую высоту. Рука невольно потянулась къ шляпѣ; я снялъ ее и надѣть не могъ, несмотря на палящій жаръ майскаго полудня. Голова моя склонялась не передъ отдѣльными памятниками, на которыхъ написаны имена, а передъ этими „братскими могилами“, гдѣ, вмѣсто именъ, изображены цифры, обозначающія число моихъ погибшихъ братій, „положившихъ жизнь за отечество“.—Спите мирно, великіе, безымянные герои, и да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ безвинно убіенныхъ, за отчизну пострадавшихъ!..

А вдали черезъ бухту виднѣлись высоты нашихъ славныхъ баттарей, превращаемыхъ въ сплошной садъ, и вѣчно-памятнаго Малахова кургана съ памятникомъ Корнилову. Внизу сверкала подъ лучами полуденнаго солнца громадная бухта съ внушительною эскадрою черноморскихъ броненосцевъ. Въ одинъ моментъ всѣ суда разукрасились множествомъ флаговъ, и загремѣли пушечные выстрѣлы, салюты всего флота, чествовавшего день именинъ (20 мая) своего Августѣйшаго Генераль-Адмирала, Великаго Князя Алексѣя Александровича.

Тѣмъ же вечеромъ, по случаю того же праздника, была блестящая иллюминація флота и приморскаго бульвара, гремѣла музыка подѣ легкій шумъ морскаго прибоя,

Братское кладбище.

выбрасывавшаго массы жемчужной пѣны на гребни береговыхъ камней. Въ жгучемъ днемъ воздухѣ, освѣженномъ вечернимъ вѣтеркомъ, дышалось легко, полною грудью. Въ тем-

но-синемъ, бархатистомъ небѣ ярко горѣли несчетныя звѣзды, и проносились бѣлыя полосы электрическаго свѣта отъ подвижныхъ фонарей нашихъ броненосцевъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ къ югу отъ Севастополя, на берегу моря, между двумя не особенно большими бухтами, лежатъ развалины древняго города Херсонеса, называемаго Корсунь въ нашихъ лѣтописяхъ и знаменитаго тѣмъ, что въ немъ принялъ святое крещеніе кievскій Великій князь Владиміръ.

Всякій разъ, когда я бываю въ Севастополѣ, я непременно отправляюсь въ Херсонесъ и провожу нѣсколько часовъ, бродя по его развалинамъ и бесѣдуя съ уважаемымъ К. К. Косцюшко-Валюжиничемъ, директоромъ мѣстнаго музея и завѣдующимъ раскопками, производимыми на мѣстѣ древняго города.

Но, увы, теперь невозможно даже опредѣлить размѣры когда-то богатой и могущественной греческой колоніи. Въ 1578 г. посланникъ польскаго короля Стефана Баторія къ крымскому хану, Мартинъ Броневскій, видѣлъ еще и описалъ значительные остатки, свидѣтельствовавшіе о великолѣпнѣйшій постройкѣ древняго Херсонеса. Онъ такъ про нихъ повѣствуетъ: „Достойныя удивленія развалины очень явно свидѣлствуютъ, что это былъ нѣкогда великолѣпный, богатый и славный городъ грековъ, древнѣйшій на полуостровѣ, многочисленный и знаменитый своею отличною пристанью. На оконечности того полуострова, который Страбонъ называетъ малымъ Херсонесомъ, и у самаго берега пристани, также во всю ширину полуострова, отъ одного берега моря до другого, еще и теперь возвышаются высокія стѣны и многочисленныя, большія башни изъ тесаныхъ, огромныхъ камней. У самыхъ стѣнъ города видны водопроводы, которые за четыре мили, посредствомъ подземныхъ трубъ, выведенныхъ изъ камня, проводили воду въ городъ; въ нихъ и

теперь еще (въ XVI в.) есть вода, очень чистая... Этотъ городъ уже не только много лѣтъ, но и много вѣковъ стоитъ пустъ и необитаемъ и представляетъ однѣ развалины и опустошеніе, хранящія, однакоже, слѣды удивительнаго искусства и большой роскоши. Въ той же части мыса виденъ царскій дворецъ съ огромными стѣнами, башнями и великолѣпными воротами. Но прекрасныя колонны изъ мрамора и серпентина, которыхъ мѣста еще и теперь внутри видны, и огромные камни были взяты турками и увезены за море для ихъ собственныхъ построекъ и общественныхъ зданій... Большой греческій монастырь остался въ городѣ; стѣны храма еще стоятъ, но безъ кровли, и всѣ украшенія этого зданія, которыя тамъ были, разрушены и разграблены“...

Знаменитый путешественникъ и ученый Палласъ, проживавшій въ Крыму въ концѣ прошлаго вѣка, говоритъ, что между Балаклавой и Инкерманомъ можно замѣтить слабые слѣды стѣны и нѣсколькихъ башенъ, которыя были сложены, кажется, изъ обтесаннаго камня. Эти остатки, по его предположенію, указываютъ мѣсто стѣны, которую, по Страбону, огражденъ былъ Херсонесъ отъ набѣговъ тавро-ски-овъ и другихъ варваровъ.

Я не нашелъ уже никакихъ слѣдовъ этихъ стѣнъ и башенъ, а также—царскаго дворца, про который говорилъ Мартинъ Броневскій. Отъ храмовъ греческаго монастыря, о которомъ онъ упоминаетъ, уцѣлѣли едва замѣтные остатки фундаментовъ. Все, что можно было растащить изъ болѣе или менѣе цѣнныхъ или только пригодныхъ строительныхъ матеріаловъ, давно расхищено и увезено.

Послѣдними разрушителями Херсонеса и, быть можетъ, самыми усердными были основатели нынѣшняго Севастополя на мѣстѣ плохой татарской деревушки, называвшейся Ахтіаръ. Указомъ императрицы Екатерины II, въ началѣ 1784 года, повелѣно было устроить тутъ военный портъ съ адмиралтействомъ, верфью и крѣпостью, и вновь создаваемый

городъ назвать Севастополемъ. Весьма вѣроятно, что строители казенныхъ и частныхъ зданій широко воспользовались готовымъ, превосходнымъ и никому, въ сущности, непринадлежавшимъ строительнымъ матеріаломъ, и распорядились съ остатками древняго Херсонеса, какъ съ даровою и необыкновенно удобною каменоломней. Въ то время никому въ голову не приходила мысль объ охранѣ древностей, а тѣмъ паче—какихъ-нибудь развалинъ. Да и въ наши дни даже образованные люди относятся къ нимъ съ изумительнымъ варварскимъ презрѣніемъ. Такъ, недавно еще былъ пущенъ въ ходъ проектъ разобрать въ Кутаисѣ для постройки казармъ стѣны древняго собора, построеннаго въ X-мъ вѣкѣ...

Древній Херсонесъ основанъ, вѣроятно, лѣтъ за 600 или 700 до Р. Х.—У грековъ существовало полумифическое сказаніе объ Ифигеніи, дочери царя Агамемнона и Клитемнестры. Греки хотѣли принести Ифигенію въ жертву разгнѣванной Артемидѣ, но богиня перенесла ее въ Тавриду и сдѣлала ее тамъ своею жрицею. Сказаніе это послужило сюжетомъ для трагедій Эврипида „Ифигенія въ Авлидѣ“ и „Ифигенія въ Тавридѣ“. По греческимъ же преданіямъ, на херсонесскомъ мысѣ въ глубокой древности существовалъ храмъ богини Парены (дѣвственницы, или Артемиды). Найденные при раскопкахъ камни съ обломками надписей подтвердили существованіе когда-то на этомъ мѣстѣ храма богини, чтимой Аеинами, покровительницы Херсонеса. Гражданская присяга жителей Херсонеса, высѣченная на каменной плитѣ, начинается такими словами *): „Клянусь Зевсомъ, солнцемъ, дѣвою **), богами и богинями олимпійскими и героями, кои владѣютъ городомъ и страню и укрѣпленіями“...

Дабы не возвращаться къ этому любопытнѣйшему документу большой древности, я приведу его цѣликомъ, насколько

*) Цитирую по переводу профессора Латышева.

**) Артемидой, или Пареной.

ко онъ сохранился:—„я буду единоклубенъ относительно благосостоянія и свободы города и гражданъ и не предамъ (ни) Херсонаса, ни Керкинитиды, ни Прекраснаго Порты, ни прочихъ укрѣпленій, коими херсонаситы владѣютъ или владѣли: никому ничего, ни эллину, ни варвару, но буду охранять для народа херсонаситовъ и не нарушу демократіи и желающему предать или нарушить не дозволю и не потаю вмѣстѣ (съ нимъ), но заявлю городскимъ дамiургамъ и врагомъ буду злоумышляющему и предающему или склоняющему къ отпаденію Херсонасъ или Керкинитиду, или Прекрасный Портъ, или укрѣпленія и область херсонаситовъ и буду служить дамiургомъ и членомъ совѣта, какъ можно лучше и справедливѣе городу и гражданамъ и..... народу, охраню и не предамъ на словахъ ничего тайнаго ни эллину, ни варвару, что можетъ повредить городу, и дара не дамъ и не приму ко вреду города и гражданъ и не замыслю никакого несправедливаго дѣянiя противъ кого-либо изъ гражданъ, не отпавшихъ, и замышляющему (никакого несправедливаго дѣянiя никому не дозволю), но заявлю и при судѣ подамъ голосъ по законамъ и въ заговоръ не вступлю, ни противъ общины херсонаситовъ, ни противъ кого-либо изъ гражданъ, что не объявленъ врагомъ народу; если же я съ кѣмъ-либо вступилъ въ заговоръ, или если связанъ какою-либо клятвою по обѣту, то нарушившему да будетъ лучше и мнѣ и моимъ, а соблюдающему—обратное, и если я узнаю какой заговоръ, существующій или составляющійся, то заявлю дамiургамъ и хлѣба вывознаго съ равнины не буду продавать и вывозить въ другія мѣста съ равнины, но (только) въ Херсонасъ. Зевсъ и Земля, и Солнце, и Дѣва, и боги олимпійскіе, пребывающему мнѣ въ этомъ, да будетъ благо и самому, и роду, и моимъ, а не пребывающему—зло и самому, и роду, и моимъ и да не приносить мнѣ плода ни земля, ни море, и женщины да не.....“ *)

*) Точками означены мѣста, гдѣ доска обломана.

Изъ этой нѣсколько наивной и архаической присяги явствуешь, кромѣ почитанія дѣвы Артемиды-Пареоны, еще и то, что Херсонесъ былъ самостоятельной республикой и къ эллинамъ (грекамъ) относился очень недовѣрчиво, если не такъ же враждебно, какъ къ варварамъ.

Городъ велъ обширную торговлю съ „равниной“, подѣ каковымъ названіемъ разумѣлись, вѣроятно, степи нынѣшней южной Россіи. Кромѣ главнаго предмета торговли—хлѣба, Херсонесъ торговалъ мѣхами, шкурами и инымъ сырьемъ, конями, драгоценными металлами и рабами,—всѣмъ, что могъ получать отъ варваровъ, доставляя имъ взаменъ произведенія Византіи, Малой Азіи и Востока,—ткани, оружіе, предметы роскоши. При императорахъ римскихъ Діоклетіанѣ и Адріанѣ Херсонесъ подпалъ подѣ власть Рима, сохраняя свое самоуправленіе, и достигъ высшаго процвѣтанія. Г. Косцюшко-Валюжиничъ показывалъ мнѣ высѣченный на камнѣ указъ Адріана, коимъ устанавливался нѣкоторый налогъ на часть жителей „вольнаго“ города.

Послѣ Константина Великаго начинается идущій медленно, но непрерывно упадокъ Херсонеса, все еще удерживавшаго, однако, свое значеніе крупнаго торговаго центра на Таврическомъ полуостровѣ. Весь этотъ полуостровъ носилъ названіе „Херсонеса Таврическаго“. При нѣкоторомъ вниманіи, и пониманіи на раскрытыхъ до сихъ поръ раскопками остаткахъ древняго Херсонеса можно прослѣдить, какъ постепенно падаль, а потомъ умиралъ этотъ когда-то знатный и могущественный городъ. При окончательномъ утвержденіи христіанства въ Византійской имперіи, были уничтожены и разрушены древніе языческіе храмы. Извѣстно, съ какою ненавистью христіане первыхъ вѣковъ относились къ статуямъ, изображавшимъ языческихъ боговъ, да и вообще къ изваяніямъ, и какъ усердно они ихъ уничтожали. Вотъ почему,—надо полагать,—въ раскопкахъ Херсонеса не открыто до сихъ поръ ни одной статуи, ни даже какихъ-либо обломковъ ста-

туй. Существованіе же статуй въ древнемъ Херсонесѣ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ на нѣкоторыхъ камняхъ, представляющихъ собою пьедесталы, ясно видны гнѣзда, въ которыхъ были утверждены ноги статуй. Множество колоннъ изъ древнихъ храмовъ было употреблено на сооруженіе христіанскихъ церквей, при чемъ на ихъ прекрасныхъ капителяхъ художественной работы мы видимъ грубо изсѣченные кресты, которыми христіане хотѣли стереть съ нихъ языческій характеръ. Нѣкоторые слѣды язычества уцѣлили только въ надписяхъ, какъ я говорилъ выше. Въ дальнѣйшій христіанскій періодъ существованія города можно прослѣдить, какъ разрушавшіяся отъ времени большія христіанскія церкви не возстановлялись въ прежнемъ великолѣпнѣи и замѣнялись новыми, меньшихъ размѣровъ и, очевидно, въ меньшемъ числѣ.

Самый тяжелый, смертельный ударъ Херсонесу былъ нанесенъ генуэзцами, завладѣвшими южнымъ берегомъ Крыма въ XII вѣкѣ. Главнымъ центромъ своей торговли генуэзцы сдѣлали городъ Кафу (нынѣшняя Феодосія), но однимъ основаніемъ своей факторіи (колоніи) они не могли уничтожить значеніе Херсонеса. Сильные деньгами въ Византіи, гдѣ все было подкупно, и своимъ вліяніемъ при дворѣ, генуэзцы заключили съ греками (около 1350 г.) договоръ, въ силу котораго греческимъ судамъ было запрещено заходить въ херсонесскіе порты. Это окончательно разорило этотъ торговый городъ. Херсонесъ умиралъ точъ въ точъ такъ, какъ почти на нашихъ глазахъ умеръ въ Крыму же городъ Чуфуть-Кале.

* * *

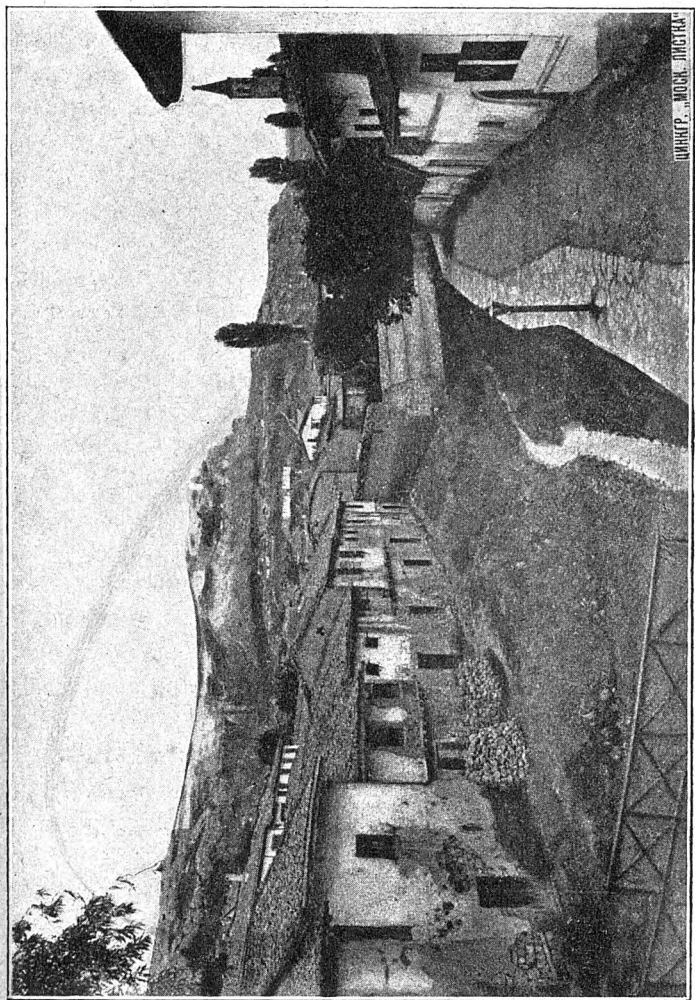
Чуфуть-Кале находится близъ Бахчисарая, бывшаго послѣднюю столицей крымскихъ хановъ Гиреевъ и прославленнаго не столько своею мало блестящею исторіей, сколько чуждою поэмою Пушкина „*Бахчисарайскій фонтанъ*“. Я два раза былъ въ Бахчисараѣ и воочію убѣдился, что для

вдохновенія великаго поэта бываетъ иногда достаточно весьма малыхъ мотивовъ. „Фонтанъ слезъ“, соединявшійся въ моей юности съ представлениемъ о поэтическомъ образѣ Маріи Потоцкой, есть, въ дѣйствительности, мизерное сооруженіе итальянскаго мастера, поддѣлывавшагося подъ варварскій вкусъ татарина. Да и весь дворецъ Гирея представляетъ собою, на мой взглядъ, не что иное, какъ очень пестро украшенное жилище богатаго татарина, жившаго разбоями. Я слыхалъ,—давно, правда, въ моей юности,—сравненія Бахчисарая съ Альгамброю. Ни малѣйшаго сходства и подобія нѣтъ. Не въ Испаніи и не въ Гренадѣ надо искать чего-либо подходящаго къ дворцу Гиреевъ, а у насъ въ Москвѣ и подъ Москвою, въ пестротѣ украшеній входовъ въ соборы Троицкой лавры и Саввинскаго монастыря близъ Звенигорода, да еще въ росписи проѣзда Спасскихъ воротъ...

Но, какъ бы ни было, Бахчисарай былъ во дни оныя столицей главы крупнаго разбойничьяго гнѣзда. На зовъ тамошняго хана собиралась „орда“ лихихъ набѣдниковъ и ходила грабить Волюнь, Польшу, нашу Украину, наводила страхъ на самую Москву, дѣлала быстрые набѣги, захватывала плѣнниковъ и добычу, жгла и разоряла, чего не могла унести съ собою, и возвращалась въ свои улусы. Тамъ возникалъ вопросъ о сбытѣ награбленнаго. Тутъ являлись предприимчивые и ловкіе посредники, древнѣйшіе мастера торговаго дѣла—евреи, скупали у татарвы награбленное, всему находили сбытъ, сами жили припѣваючи и богатѣли.

Но то были не тѣ евреи, что водворились въ Румыніи, Польшѣ и на югѣ Россіи. То были *караимы*,—называющіе себя нынѣ *крымчаками*, т.е. древнѣйшими яко бы обитателями Крыма, водворившимися здѣсь со времени Вавилонскаго плѣна. Это—отчасти легендарное сказаніе, отчасти—сознательное вранье. Я не знаю, когда пришли сюда и здѣсь основались еврей-караимы, отличающіеся отъ всѣхъ остальныхъ евреевъ

тѣмъ, что они, караимы, признають священнымъ писаніемъ только „*Пятикнижіе Библіи*“ и совершенно отрицають вся-

Улица въ Бахчисараѣ; вдали на взгорьѣ—Чуфутъ-Кале.

кое значеніе „*Талмуда*“, и потому они считаютъ себя правовѣрными блюстителями чистаго закона Моисеева.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бахчисарая эти еврей-караимы имѣли уже въ XIV вѣкѣ, быть можетъ, даже ранѣе, свой обособленный городъ—Чуфуть-Кале, обнесенный стѣнами, особенно крѣпкими, довольно многолюдный, со своими синагогами и безъ мечетей. Въ тревожныя времена частыхъ споровъ хановъ изъ-за престолонаслѣдія еврей этого города давали у себя пріютъ удобнымъ и выгоднымъ имъ претендентамъ и помогали имъ въ борьбѣ съ соперниками. Отъ этихъ временъ и отъ такихъ событій въ Чуфуть-Кале сохранились любопытные памятники.

Но самое любопытное, заставившее меня отвлечься отъ Херсонеса и заговорить о Чуфуть-Кале, заключается вотъ въ чемъ: этотъ караимско-еврейскій городъ росъ, развивался и благоденствовалъ, пока въ Крыму господствовали татары-Гирей и ихъ грабительская орда. Какъ только русскіе овладѣли Крымомъ, при императрицѣ Екатеринѣ II, и прекратили грабежи ордынцевъ, Чуфуть - Кале сталъ быстро хирѣть, его торговля награбленнымъ и плѣнными, обращенными въ рабовъ, упала, а потомъ и совсѣмъ прекратилась, и сами изворотливые торговцы-караимы побрели врознь за неимѣніемъ поживы. Въ пятидесятихъ годахъ тутъ жило еще до 300 семействъ довольно зажиточныхъ евреевъ, а въ семидесятихъ оставалась одна семья весьма извѣстнаго Фирковича. Когда старикъ умеръ, его дѣти перебрались, кажется, въ Севастополь. Городъ умеръ окончательно. На-лицо остались только два сторожа, при двухъ кое-какъ поддерживаемыхъ синагогахъ. Стѣны и башни цѣлы, ясно видны улицы, дома представляютъ собою всѣ стадіи разрушенія: бѣлая часть ихъ развалилась почти до фундамента, немногіе стоятъ безъ крышъ, безъ рамъ и дверей. Но это—настоящій „мертвый городъ“, такой же мертвый, какъ Помпея, съ тою лишь разницей, что Помпея, въ полномъ своемъ блескѣ и великолѣпіи, погибла жертвою страшной катастрофы,—разрушена землетрясеніемъ и засыпана изверженіемъ Везувія; а Чуфуть-

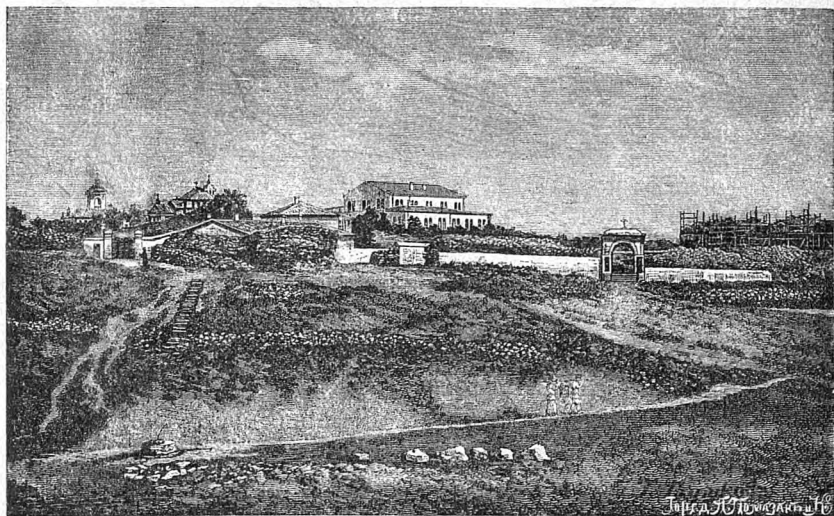
Кале умиралъ медленною смертію въ теченіе цѣлаго столѣтія и покончилъ свое существованіе оттого, что изсякли его средства, которыя доставлялись разбойничьими набѣгами и торговлей. Точно такъ же и отъ тѣхъ же причинъ захудалъ Херсонесъ, подорванный генуэзцами, потомъ совсѣмъ обнищаль и обезлюдѣлъ. И совершилось это въ болѣе долгій періодъ времени. А потомъ, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ древній греческій городъ Тавриды, прошло десять вѣковъ, и отъ бывшего его великолѣпія ничего не осталось, кромѣ почти безформенныхъ развалинъ и любопытнѣйшихъ археологическихъ находокъ, открываемыхъ при раскопкахъ.

Изъ Севастополя и съ дороги, ведущей къ развалинамъ Херсонеса, а равно далеко съ моря, виденъ очень эффектный, новый соборъ, весьма недавно отстроенный, на самомъ высокомъ мѣстѣ Херсонесскаго мыса, въ память принятія въ Корсунѣ святого крещенія великимъ княземъ кіевскимъ Владиміромъ, сыномъ Святослава и внукомъ св. Ольги. Этотъ очень богатый храмъ построенъ, повидимому, на томъ мѣстѣ, гдѣ находился старинный греческій монастырь, о которомъ говорить Мартинъ Броневскій. Въ развалинахъ города сохранились очертанія „баптистерія“ (крестильни), съ прекрасною мраморною купелью для крещенія взрослыхъ людей. Рядомъ съ баптистеріемъ видны остатки церкви, примыкающей къ нему съ одной стороны; съ другой — были, повидимому, жилые покои. Если этотъ баптистерій существовалъ во времена св. Владиміра, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ этой самой купели принялъ св. крещеніе просвѣти-
тель Руси. |

* *
*

Быль второй часъ дня. Съ неба лились жгучіе лучи майскаго солнца, камни развалинъ такъ накалились, что ногамъ горячо было ступать по истертымъ плитамъ; отъ обломковъ стѣнъ жарко было, какъ отъ накаленныхъ кирпичей. Я отсталъ

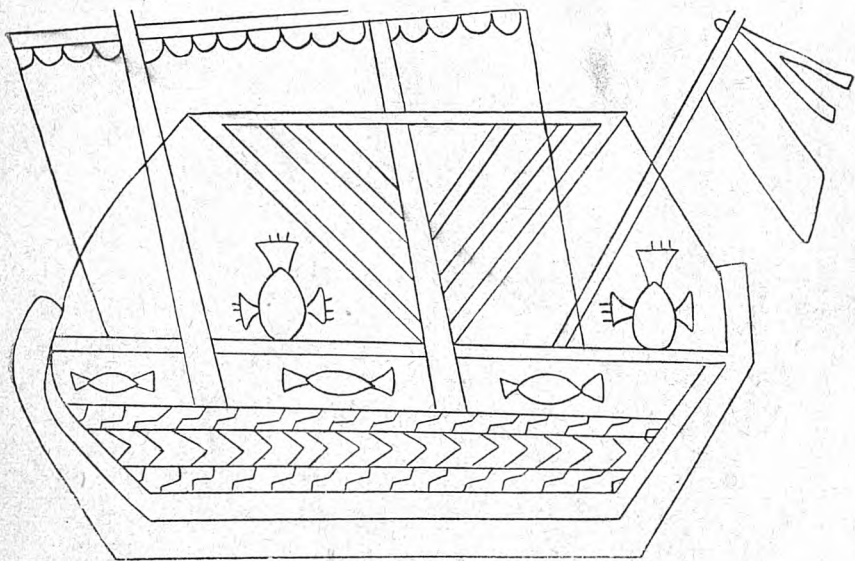
отъ моихъ спутниковъ и, очень усталый, присѣлъ въ тѣни какой-то развалины въ виду моря и начала бухты; не слышно было ни шаговъ, ни голосовъ, — ни звука. Кругомъ — „мертвый городъ“; передо мною — ослѣпительно сверкающая гладь моря, подернутаго какою-то золотисто-розовою дымкой, въ которой гдѣ-то далеко — два-три паруса рыбачьихъ лодокъ. Только-что прошедшій изъ Севастополя въ Ялту пароходъ

Херсонесскій монастырь.

исчезъ, и только, какъ воспоминаніе о немъ, въ неподвижномъ воздухѣ тянулась и таяла длинная полоса сѣроватаго дыма. Скоро и отъ нея не осталось никакого слѣда. Отъ зноя и утомленія моя голова слегка кружилась. Сознаніе дѣйствительности начинало путаться, то былъ не сонъ, не дремота одолѣвала меня, а сквозь полуденный туманъ прорывались какія-то видѣнія, отрывки видѣннаго, точно не въ этомъ мірѣ, а въ другомъ какомъ-то, давно минувшемъ...

Изъ неподвижной глади Чернаго моря, точно миражъ, вырисовывались передъ моими полусмыкающимися глазами массы построекъ. Среди нихъ я напряженно различалъ черный куполь св. Софіи, очертанія храмовъ св. Апостоловъ и св. Ирины, мысъ, занятый громадою „Священныхъ“ палатъ византійскихъ царей. Изъ Золотоу Рого стройною вереницей

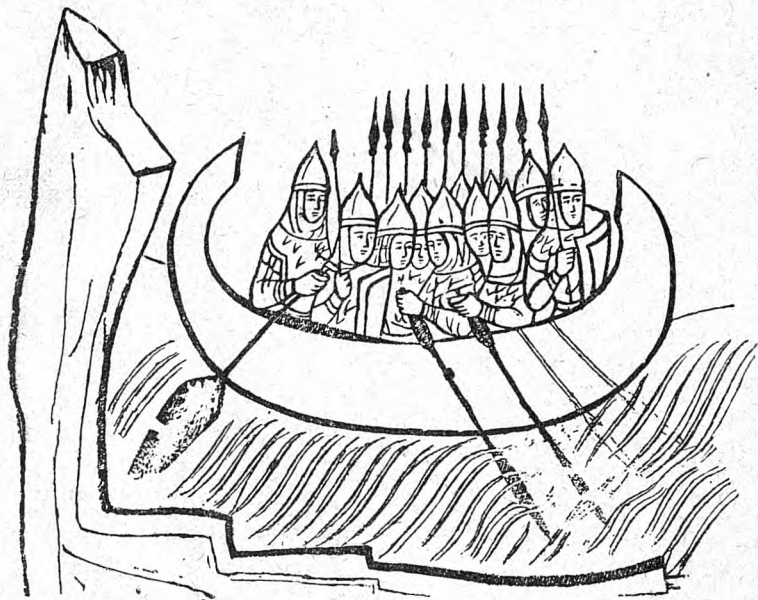

Корабль съ „греческимъ огнемъ“. Изъ древней арабской рукописи.

выдвигался флотъ, несшій страшный „греческій огонь“ навстрѣчу русскимъ ладьямъ кievскаго князя Игоря...

Легкая ли рябь пробѣжала по морю отъ налетѣвшаго вѣтерка и засверкала искрами на солнцѣ, или въ моемъ разгоряченномъ мозгу что-то вспыхнуло,—но я уже не видалъ ни куполовъ, ни дворцовъ, ни башенъ Царьграда. На горизонтѣ кипѣлъ отчаянный бой, съ тяжелыхъ греческихъ кораблей, предводимыхъ „великимъ дунгаріемъ“ (адмираломъ),

сильныя метательныя машины осыпали камнями и глиняными кувшинами съ греческимъ огнемъ легкія ладьи руссовъ. Въ побѣдѣ византійцевъ не могло быть сомнѣнія: подъ ударами ихъ метательныхъ машинъ, мало чѣмъ уступавшихъ артиллеріи первой половины нашего вѣка, сотнями гибли ладьи Игоря, тысячами убывали воиновъ его дружинъ. Немногія

Русскіе воины X вѣка, въ ладѣ, выдолбленной изъ цѣльнаго дерева. Изъ древней славянской рукописи.

успѣли спастись, вмѣстѣ съ вождемъ, благодаря быстроходности своихъ лодокъ...

Отъ массы огней въ воздухѣ и на поверхности моря у меня голова кружилась; непроглядный туманъ заволакивалъ мое зрѣніе. А разгоряченная фантазія усиленно работала; передо мною проносились новыя картины и быстро смѣнялись съ болѣею отчетливостью и яркостью.

Кіевская великая княгиня Ольга, уже прославившаяся своею мудростью, начала собирать и устраивать русскую землю и пожелала сама, мирнымъ обычаемъ, побывать въ Византіи, крѣпче завязать дружескія сношенія съ великою Восточною имперіей, посмотрѣть на всѣ диковины столицы христіанскаго міра и лично убѣдиться въ превосходствѣ той религіи, къ принятію которой она была уже подготовлена. Съ Ольгою отправились ея племянникъ, знатныя женщины, служанки, послы, гости*), переводчики и священникъ, потому, вѣроятно, что въ этой свитѣ уже были христіане.

Греки мастерски умѣли показывать иностранцамъ необычайное богатство и красоту своихъ храмовъ и дворцовъ, поражать чужеземцевъ великолѣпіемъ богослуженій и торжественностью пріемовъ у царей. И небольшого труда это имъ стоило, когда въ Византіи былъ такой храмъ, какъ „Великая церковь“ св. Софіи, которая и теперь, обращенная

Св. Великая Княгиня Ольга.

*) Гости—кушцы, торговые люди.

въ мечеть, ограбленная и обезображенная мусульманами, производит неизгладимое впечатлѣніе, глубоко волнующее душу. Не даромъ славяне-язычники, побывавшіе въ этомъ храмѣ, говорили:— „Мы сами не знали, гдѣ мы, — на землѣ или на небесахъ“.—Я былъ нѣсколько разъ въ храмѣ св. Софіи и каждый разъ испытывалъ почти то же. Многіе язычники крестились подъ такими впечатлѣніями.

Приняла и княгиня Ольга святое крещеніе, при чемъ ей дано было греческое имя Елены, — полагать надо, въ честь Императрицы Елены, супруги Константина VII Багрянороднаго, который былъ воспріемникомъ русской великой княгини.

Насколько судить можно по рассказамъ лѣтописцевъ, Ольга очень не довольна осталась гостепріимствомъ византійцевъ, скудостію даровъ царя и малымъ почетомъ, ей оказаннымъ. Подозрительные греки, изъ опасенія, долго не позволяли русскимъ сходить съ ихъ судовъ въ городъ; на царскихъ пирахъ сажали великую княгиню на ряду съ знатными придворными женщинами; царь подарилъ ей въ первый разъ сорокъ золотыхъ монетъ, во второй разъ—двадцать.

Когда Ольга вернулась въ родной Кіевъ, ей должны были казаться жалки, ничтожны и уродливы языческіе идолы и обряды, „поганьскіе“, какъ называютъ ихъ наши лѣтописцы. Въ Кіевѣ Ольга стала склонять къ христіанству своего сына, Святослава. Онъ отвѣчалъ: — „Не могу, надо мною будетъ смѣяться моя дружина“. Но, конечно, не боязнь насмѣшекъ удерживала его, а его характеръ, воинственный и суровый, которому не могла быть по нраву религія любви, милосердія и жалости. Онъ никому не препятствовалъ креститься, ни дружинникамъ своимъ, ни ближайшимъ людямъ, и вѣра Христова свободно, но очень медленно распространялась въ Кіевѣ и во владѣніяхъ великокняжескихъ...

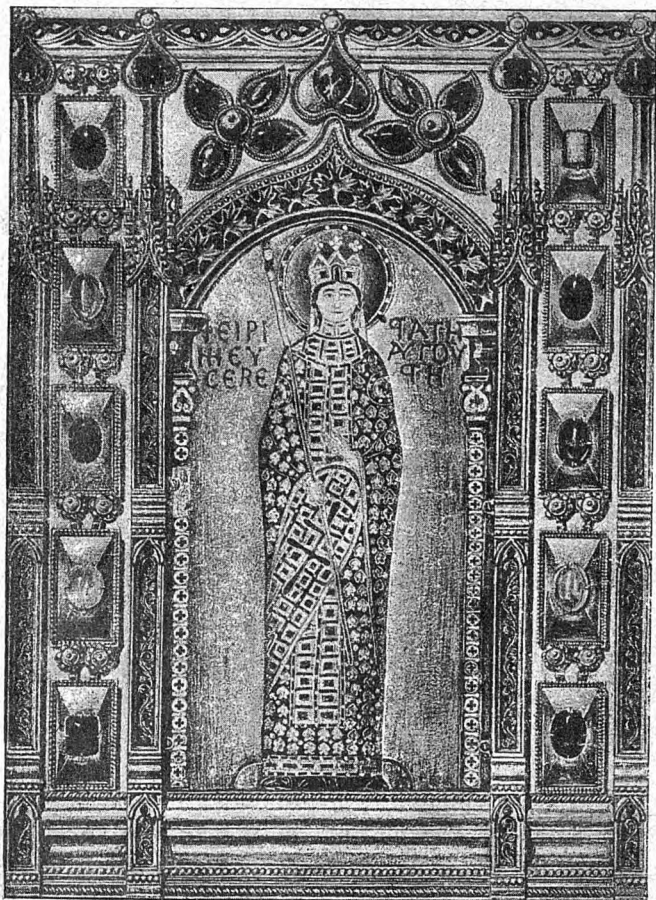
... Въ древнемъ Херсонесѣ толпы народа стремились къ гавани. Въ бухту входила разукрашенная галера импера-

торскаго флота. На ней прибылъ изъ Византіи знатнѣйшій и богатѣйшій гражданинъ Херсонеса, полугрекъ, полуславянинъ, Калокиръ, торговецъ и ученый, смѣлый путешественникъ, побывавшій въ Арменіи и въ Иверіи, въ странѣ хозаръ и руссовъ, и у варяговъ. Искусный на рѣчахъ и изворотливый, онъ свободно говорилъ на многихъ языкахъ и отлично зналъ характеры и взаимныя отношенія всѣхъ народовъ Сѣвера, былъ искуснымъ дипломатомъ и хитростью превосходилъ самихъ природныхъ византійцевъ. За эти выдающіяся способности императоръ Никифоръ Фока вызвалъ его въ Царьградъ и поставилъ во главѣ посольства, снаряженнаго въ Кіевъ къ великому князю Святославу.

Восточная имперія переживала тогда тяжелыя и смутныя времена: на югѣ, въ Сиріи, въ Палестинѣ и на Евфратѣ, ей приходилось вести упорную и непрерывную борьбу съ сарацинами и арабами, которыхъ изъ завоеванныхъ ими византійскихъ владѣній только-что успѣлъ вытѣснить славный полководецъ Никифоръ Фока; съ сѣвера непосредственно самой Византіи угрожали болгары; славяне вторглись въ Македонію, въ Тессалію и въ Эпиръ, разоряли эти провинціи и грабили города, даже до Эллады; въ самой столицѣ кипѣли постоянныя интриги, составлялись необычайно смѣлые заговоры, и совершались неимовѣрно дерзкія покушенія захватить верховную власть, законно принадлежавшую двумъ малолѣтнимъ царямъ, Василію и Константину Багрянороднымъ, сыновьямъ умершаго императора Романа II, и знаменитой красавицы Теофано. Официально она считалась опекуншею малолѣтнихъ царей и правительницей имперіи, но фактически всѣмъ самовластно распоряжался паракимомень *) евнухъ Вринга. Молодая и пылкая царица Теофано ненавидѣла деспотическаго евнуха, устраивавшаго противъ нея и ея сыно-

*) *Паракимомень*—высшій дворцовый чинъ, ближайшій челоѣкъ къ царю, почти то же, что первый министр, или канцлеръ имперіи.

вей самыя злыя козни. Императрица рѣшилась силою отнять у него власть и для этого обратилась къ Никифору Фокѣ,

Византійская императрица, въ парадномъ костюмѣ.

очарованному ея красотой. Никифоръ съ тѣмъ войскомъ, которымъ онъ командовалъ въ Азіи противъ магометанъ, под-

ступилъ къ Константинополю. Приверженцы полководца и молодой вдовствующей царицы вооружили своихъ рабовъ, слугъ и клѣнцовъ и устроили возстаніе въ самой Византіи. Послѣ отчаяннаго трехдневнаго боя на улицахъ и площадяхъ, Никифоръ Фока былъ провозглашенъ *василевсомъ* (царемъ) и самодержцемъ, правителемъ имперіи совмѣстно съ юными царями Василиемъ и Константиномъ. Чтобы придать этому захвату видъ законности и чтобы крѣпко привязать къ себѣ великаго полководца и энергичнаго правителя, царица Теофано вышла за него замужъ. Подъ его мощною рукою дворцовыя и столичныя интриги присмирѣли, но не прекратились, а сарацины и болгары съ еще болѣею смѣлостью наступали на границы имперіи, потрясенной междоусобіемъ. Царь Никифоръ сознавалъ всю опасность, даже невозможность раздѣлить свои вооруженныя силы и одновременно вести войну на азіатской границѣ и за Балканами. Онъ предпочелъ прибѣгнуть къ обычному средству византійцевъ—натравить однихъ варваровъ на другихъ.

На востокъ отъ Болгаріи, въ необозримыхъ степяхъ нынѣшней южной Россіи, кочевали дикія орды печенѣговъ; отъ Болгаріи на западъ жило воинственное племя венгровъ, которыхъ византійцы называли „турками“. Деньгами можно было соблазнить тѣхъ и другихъ и поднять противъ Болгаріи. Никифоръ нашелъ это

Царь Василій II, братъ царицы Анны, супруги Кіевскаго кн. Владиміра, въ парадномъ костюмѣ

для себя невыгоднымъ и недостаточно надежнымъ: кочевники-печенѣги способны были только на быстрый набѣгъ; они пограбили бы Болгарію и, забравъ добычу, ушли бы тотчасъ же въ свои степи; слишкомъ предприимчивымъ венграмъ небезопасно было показывать путь къ границамъ имперіи,—они могли оказаться не менѣе страшными сосѣдями, чѣмъ болгары.

Византійскіе воины. Съ миниатюры изъ греческой рукописи
X или XI вѣка.

Къ тому времени успѣла достигнуть далекихъ странъ громкая молва о воинскихъ подвигахъ русскаго князя, о его необычайной храбрости, о многочисленности и беззавѣтной преданности князю его превосходно вооруженныхъ и стройныхъ дружинъ. Родина этихъ воиновъ, города и столица ихъ князя находились далеко отъ границъ имперіи. Царь Никифоръ нашелъ наиболѣе удобнымъ для себя вступить въ соглашеніе съ великимъ княземъ кіевскимъ и навести

его на Болгарію, въ томъ расчетѣ, что нашествіе руссовъ или россовъ, какъ ихъ называли византійцы, надолго подорветъ силы болгарскаго царства, что эти россы, взявъ большія дани, вернутся въ свое отечество и, въ случаѣ нужды, вторично сослужать за деньги такую же службу Византіи.

Никифоръ Фока и византійцы не только много слышали о силѣ, храбрости и вѣрности россовъ, но и знали лично многихъ изъ нихъ, такъ какъ русскіе съ давнихъ поръ при-

ходили въ Царьградъ, вмѣстѣ съ варягами, на службу къ императорамъ, составляли цѣлые отряды наемниковъ въ ихъ войскахъ и въ ихъ гвардіи; кромѣ того, византійцы, со временъ варяжскихъ вождей Аскольда и Дира, а тѣмъ паче— князя Олега, помнили, какъ имъ самимъ приходилось бороться съ „Русью“, платить большой „окупъ“, — „дани“, — по выраженію нашихъ лѣтописцевъ. Имя россовъ и ихъ значеніе, какъ „великаго народа“, въ невѣдомой Скиѣи были извѣстны не только византійскимъ, но и арабскимъ лѣтописцамъ.

Къ этимъ-то грознымъ воинамъ и къ ихъ доблестному князю Святославу императоръ Никифоръ Фока и отправлялъ многочисленное и блестящее посольство, поставивъ во главѣ его хитраго корсунца Калокира. Насколько важнымъ для имперіи почиталъ *василевсъ* успѣхъ затѣянныхъ имъ переговоровъ—можно судить изъ того, что крайне скупой царь Никифоръ приказалъ выдать Калокиру изъ своей казны на военныя издержки князя и на подарки 15 кентинарій золотомъ, т.-е. болѣе милліона нынѣшнихъ рублей,—сумму, по тому времени, огромную.

Царская галера, ловко маневрируя, прошла мимо длиннаго ряда торговыхъ кораблей и, пользуясь глубиною гавани, пристала къ самой набережной. Херсонесскій народъ громкими криками привѣтствовалъ богато разодѣтое и пышное посольство, предводимое любимымъ и всѣми почитаемымъ землякомъ. За послами и ихъ свитой тянулись къ палатамъ градоправителей ряды носильщиковъ съ золотыми монетами въ кожаныхъ мѣшкахъ, съ дорогими вооруженіями и роскошными тканями въ тюкахъ и ящикахъ. Всѣ эти сокровища охранялъ отрядъ венеціанской и амальфійской гвардіи императора. Послѣ необходимаго отдыха въ Херсонесѣ, посольство двинулось на сѣверъ—къ Кіеву, и тою же осенью (967 г.) великій князь Святославъ уже громилъ Болгарію.

Разсчеты византіицевъ не оправдались. Русскій князь взялъ многіе города Болгаріи, утвердился въ нихъ, завоевалъ всю восточную часть болгарскаго царства и задумалъ перенести сюда свою столицу, княжить надъ этою полюбившеюся ему страной. Къ тому побуждалъ его лукавый и непомѣрно честолюбивый корсунецъ Калокиръ, мечтавшій воспользоваться

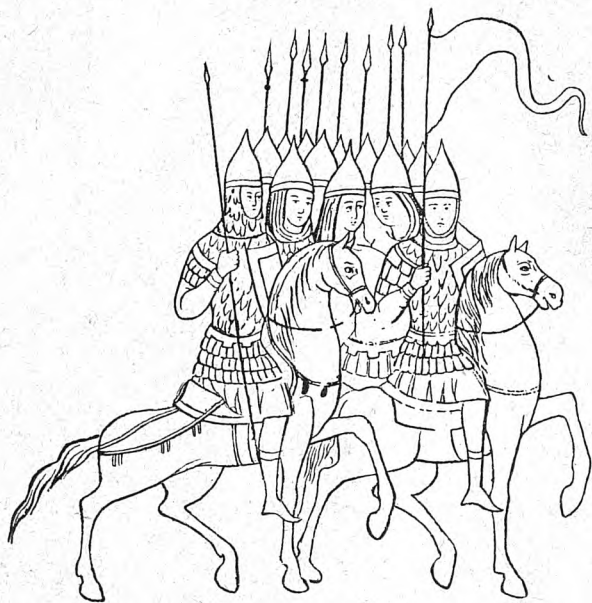

Русскіе преслѣдуютъ Болгаръ. Съ миниатюры изъ славянской рукописи.

смутами въ Византіи [и, при помощи русскихъ, овладѣть столицей и провозгласить себя императоромъ.

Въ тѣ времена и это было возможно. Никифоръ Фока, суровый и мрачный, скупой и подозрительный, ненавистный знатнѣйшимъ вельможамъ, нѣкоторымъ военачальникамъ, большинству духовенства и даже супругъ своей, легкомысленной красавицѣ Теофано, былъ свергнутъ съ престола и во дворцѣ убитъ заговорщиками въ ночь съ 10 на 11 декабря 969 года.

По малолѣтству сыновей царя Романа II и Теофано, императорскій престолъ занялъ объявившій себя ихъ опекуномъ Иоаннъ Цимисхій, знаменитый полководецъ, человѣкъ большого ума и необыкновенно привлекательный ласкою, добротой, щедростью и милостью не только къ своимъ приверженцамъ, но даже къ явнымъ недругамъ. Иоаннъ Цимисхій

Русскіе воины X вѣка. Изъ славянской рукописи „Легенда о свв. Борисѣ и Глѣбѣ“.

собралъ сильное войско, снарядилъ большой флотъ, напалъ на Святослава съ суши и съ моря, и послѣ упорной борьбы, славною для русскихъ дружинъ, успѣлъ одолѣть ихъ огромнымъ превосходствомъ своихъ силъ. Святославъ, тѣснимый съ одной стороны византійцами, угрожаемый съ другой — возмущавшимися болгарами, отрѣзанный отъ родной земли враждебною ордою печенѣговъ, вступилъ въ переговоры съ

греками и согласился заключить съ ними мирный договоръ, которымъ обязался „не воевать греческихъ областей ни самъ, ни подучать на это другой какой-нибудь народъ, не воевать ни страны Корсунской, ни Болгарской; и если другой какой-нибудь народъ вздумаетъ идти на грековъ, то русскій князь обязался воевать съ нимъ“.

Битва между Византійцами и Болгарами. Съ миниатюры изъ славянской рукописи.

Послѣ заключенія мира, состоялось свиданіе двухъ славныхъ вождей, Святослава и Іоанна Цимисхія. Византійскій лѣтописецъ, современникъ этихъ событій, Левъ Діаконъ, такъ описалъ наружность русскаго князя: „Святославъ приплылъ на мѣсто свиданія въ лодкѣ по Дунаю, при чемъ дѣйствовалъ весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Онъ былъ средняго роста, имѣлъ плоскій носъ, глаза голубые, густыя брови, мало волосъ на бородѣ, и длинные, косматые усы. Всѣ волосы на головѣ были у него выстрижены, кромѣ одного клока, висѣвшаго по обѣимъ сторонамъ, что означало его знатное происхожденіе. Шея у него была плотная, грудь широкая и всѣ прочіе члены очень стройные. Вся наружность представляла что-то мрачное и свирѣпое. Въ одномъ ухѣ висѣла серьга, украшенная карбункуломъ и двумя жемчу-

жинами. Бѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ одежды прочихъ русскихъ“.

Святославъ предполагалъ навсегда перенести свою столицу въ излюбленную имъ Болгарію, въ городъ Переяславецъ на Дунаѣ, а потому по смерти своей матери Ольги, правившей русскою землею въ его отсутствіе, онъ передалъ Кіевское княжество старшему сыну своему, Ярополку; второго сына Олега, посадилъ княземъ въ землѣ Древлянской; другими подвластными имъ областями управляли „мужи кіевского князя“, его намѣстники. Новгородцы стали просить себѣ въ князя Владиміра, третьяго сына Святослава и Малуши, ключницы княгини Ольги, сестры Добрыни. Святославъ далъ новгородцамъ въ князя Владиміра, по юности его послать съ нимъ въ качествѣ пѣстуна и воеводы Добрыню, а самъ ушелъ въ Переяславецъ, откуда, какъ я уже рассказаль, вынужденъ былъ возвращаться въ свою землю.

Прослышавъ отъ болгаръ, а можетъ быть, извѣщенные византійцами о томъ, что русскій князь идетъ съ ослабленною дружиной и несетъ съ собою огромную добычу, печенѣги загородили ему путь у Днѣпровскихъ пороговъ. Старый воевода Свѣнелдъ, сподвижникъ Игоря, вѣрный слуга Ольги и Святослава, предупреждалъ князя объ опасности и совѣтовалъ ему оставить ладьи и идти со всѣми полками въ обходъ. Святославъ почему-то не послушался разумнаго совѣта, отпустилъ Свѣнелда съ большею частью войска и остался зимовать въ Бѣлобережѣ *). Съѣстные припасы всѣ вышли, наступилъ голодъ. Въ началѣ весны Святославъ съ сильно порѣдѣвшею и истощенною дружиной пошелъ опять къ порогамъ, былъ тамъ встрѣченъ Курею, княземъ печенѣжскимъ, и убитъ. Изъ черепа его сдѣлали чашу, оправили въ золото и пили изъ нея.

*) Близъ устья (гирль) Дуная.

Такъ погибъ славнѣйшій воинъ и доблестнѣйшій вождь древней Руси...

* *
*

...А передо мною на обрывѣ херсонесскаго берега одна картина смѣнялась другою по капризу напряженной фантазіи...

За высокими стѣнами Корсуня,—нынѣ исчезнувшими безъ слѣда,—слышенъ былъ шумъ огромнаго воинскаго стана, обложившаго греческій городъ. То привелъ свои полки русскій великій князь Владиміръ, сынъ Святослава, прозванный за ласковость свою и привѣтливость „княземъ Красное Солнышко“.

Онъ повоевалъ Корсунскія земли и осадилъ городъ, оплачивая тѣмъ византіяцамъ за ихъ обманы и за оскорбленіе, нанесенное его княжеской гордости императорами Василемъ и Константиномъ Багрянородными, царствовавшими теперь вполнѣ самостоятельно, послѣ смерти Іоанна Цимисхія. Года за два до этого похода русскихъ на Херсонесъ, главнокомандующій надъ византійскими войсками въ Азіи, Варда Фока, возсталъ противъ своихъ законныхъ государей, провозгласилъ себя императоромъ, разбилъ нѣсколько разъ царскія войска, овладѣлъ важнѣйшими городами и подступилъ къ самому Царьграду. Цари Василій и Константинъ очутились на краю гибели, войскъ у нихъ было мало, казна почти совершенно опустошена предшествовавшими междоусобіями, уже подготовлявшими паденіе Византійской имперіи, и въ такомъ-то отчаянномъ положеніи они спѣшно послали къ великому князю Владиміру съ просьбою о скорѣйшей помощи и о вѣчномъ союзѣ. При этомъ они надавали кievскому князю самыхъ заманчивыхъ обѣщаній: кромѣ присылки большихъ сокровищъ, они обязывались выдать за него замужъ свою родную сестру, царевну Анну. Другая ихъ сестра, Теофано, была уже супругою германскаго императора, Оттона II. Обольщенный блистательнымъ родственнымъ со-

юзомъ съ императорами двухъ громадныхъ и могущественнѣйшихъ въ мірѣ имперій, Восточной и Западной, кievскій князь тотчасъ же послалъ многочисленное, отборное и превосходно вооруженное войско своимъ будущимъ родственникамъ и, по ихъ непремѣнному требованію, согласился принять христіанство передъ вступленіемъ въ бракъ съ царевною. Русскія дружины вѣрно и доблестно исполнили дѣло, возложенное на нихъ любимымъ княземъ „Красное Солнышко“, воспѣтымъ нашими былинами. Онѣ шли первыми въ бой съ полками Варды Фоки, разбили ихъ на голову, забрали въ плѣнъ многихъ ихъ вождей и прогнали мятежниковъ отъ Хризополя *), составлявшаго предмѣстье и укрѣпленную часть столицы на азіатскомъ берегу Босфора. Вскорѣ потомъ, при Абидосѣ, передъ самою битвой умеръ скоропостижно главный вождь возстанія и опаснѣйшій соперникъ царей Василія и Константина, Варда Фока. Его многочисленное войско бѣжало отъ грознаго натиска русскихъ и быстро разсѣялось за неимѣніемъ вождей. Оставшіеся въ живыхъ знатнѣйшіе сторонники Варды Фоки спѣшили выразить покорность законнымъ царямъ. Царьградъ былъ спасенъ, и спасена была династія Василія Македонянина въ лицѣ его прямыхъ наслѣдниковъ Василія и Константина Багрянородныхъ. Въ дни крайней опасности они готовы были обѣщать все, что угодно, и даже отдать царевну-сестру въ жены варварскому князю, презираемому ими язычнику, сыну Святослава и рабыни Малуши. Но, какъ только миновала бѣда, они, по исконному обычаю грековъ, порѣшили отдѣлаться отъ исполненія обѣщанія, которое представлялось ихъ византійской гордости необыкновенно унижительнымъ.

Но и русскіе, съ своей стороны, не захотѣли снести обиды, и князь собралъ свои дружины и подступилъ къ Корсуню. Корсунцы стойко отбивались, и русскимъ очень не легко бы-

*) Нынѣ Скутари.

ло взять сильно укрѣпленный городъ. Но вотъ одинъ изъ жителей города, по имени Анастасъ, пустилъ въ русскій станъ князю Владиміру стрѣлу, на которой было написано: „за тобою, съ восточной стороны лежатъ колодцы, отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ, перекопай и перейми ее“. Владиміръ такъ и сдѣлалъ, и корсунцы, изнемогая отъ жажды, сдались ему. Русскій князь вошелъ въ городъ и послалъ византійскимъ царямъ сказать:—„Я взялъ вашъ славный городъ. Если не отдадите за меня сестру вашу, то и съ вашимъ городомъ будетъ то же, что съ Корсунемъ“.

Въ Византіи понимали, что это—не похвальба варвара и не пустая угроза. Въ Царьградѣ, кромѣ варяговъ и россовъ императорской гвардіи, служившихъ по найму, было еще шесть тысячъ Владиміровыхъ воиновъ, присланныхъ имъ на помощь противъ Варды Фоки. По приказу своего князя они могли уйти изъ Византіи или вступить за честь своего князя и обратиться противъ обманувшихъ его грековъ. А князь Владиміръ легко могъ вступить въ союзъ съ болгарскимъ царемъ Самуиломъ, который охотно пошелъ бы съ нимъ на Константинополь. За Владиміромъ пошли бы всегда лакомые до грабежей печенѣги и венгры, и противъ такихъ соединенныхъ силъ едва ли устояла бы Византійская имперія, ослабленная далеко не прекратившимися междоусобіями. Какъ ни тягостно было византійцамъ униженіе, имъ пришлось подчиниться волѣ русскаго князя...

... Послѣ торжественнаго богослуженія и напутственныхъ молитвословій во Влахернскомъ храмѣ Пресвятой Богородицы, провожаемая царями-братьями, благословеніями патріарха, пожеланіями и слезами всего двора и множества народа царевна Анна перешла съ устланной дорогими коврами дворцовой набережной на ожидавшую ее царскую галеру

Горю, почти отчаянію царицы не было мѣры, и это понятно: точно въ злую неволю отправлялась порфирородная невѣста, жертва неотвратимой политической необходимости. Ца-

ревна Анна спасала свою семью и свое отечество, хорошо сознавая, что не на радость и навсегда разстанется съ блестящею жизнью Византіи, съ баснословною роскошью священныхъ палатъ царскихъ съ утонченными обычаями перваго въ мірѣ двора, съ родными и друзьями, съ чарующею прелестью Золотого Рога и Босфора, съ безоблачною синевою неба, съ дивною лазурью Пропонтиды *). Царевна Анна знала,

Изображеніе Божіей Матери, византійскаго письма. что въ холодной Скиѣи ее ждуть туманы и снѣга, жалкій деревянный теремъ, грубые нравы дружинниковъ, полудикіе люди и насильственный бракъ съ язычникомъ, сыномъ рабыни!..

Зеркально-спокойное море подернулось рябью; кое-гдѣ побѣжали „барашки“,—бѣлые гребни шелохнувшихся волнъ; съ юга потянуль вѣтерокъ, и на горизонтѣ показались пур-

*) Древнее названіе Мраморнаго моря.

пурные паруса разукрашенной императорской галеры. Золоченыя весла были приподняты, точно распростертыя крылья какой-то волшебной птицы. Чуть-чуть накренившись подъ вѣтромъ, роскошный царскій корабль гордо несяся прямо на скалы, не убавляя парусовъ. Еще нѣсколько мгновеній, и онъ налетитъ на камни. Сѣдой, статный друнгарій *) василевса, въ богатомъ придворномъ нарядѣ, сдѣлалъ какой-то знакъ рукою, пурпурные паруса моментально были убраны, и засверкали на солнцѣ мѣрно бьюція по волнамъ золоченыя весла. Галера дрогнула подъ сильною рукою опытнаго кормчаго, хорошо знавшаго берега Понта Эвксинскаго **)...

Великій князь кіевскій не могъ встрѣтить невѣсту,—онъ былъ нездоровъ: у него такъ разболѣлись глаза, что онъ почти ослѣпъ и не выходилъ изъ своихъ покоевъ. Жители города, какъ только увидали пурпурные паруса и снасти, расшитый золотомъ царскій наметъ на палубѣ, то догадались, какую высокую гостью имъ предстоитъ принять. Самъ митрополитъ Херсонеса, съ епископами и со всѣмъ духовенствомъ, въ праздничныхъ облаченіяхъ, съ иконами и крестами, двинулся къ пристани привѣтствовать царевну и прибывшаго съ нею перваго (впослѣдствіи) митрополита Кіевского и всея Руси, Михаила. При торжественныхъ молитвенныхъ пѣснопѣніяхъ и при радостныхъ кликахъ народа, прослѣдовала царевна Анна въ богатый дворецъ градоправителей и, узнавъ о недугѣ великаго князя, послала сказать ему:— „Если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись скорѣе, если же не крестишься, то и не вылѣчишься“. — Царевна была настоящая дочь Византіи, она издавна привыкла видѣть всякія предательства, нарушенія даннаго слова и даже торжественныхъ клятвъ, и на сей разъ она боялась, что князь

*) Капитанъ корабля.

**) Древнее названіе Чернаго моря.

обманеть ее, возьметъ въ жены и останется язычникомъ. Анною уже была принесена великая жертва, ради спасенія братьевъ и имперіи, но невыносимо ужасною представлялась царевнѣ возможность брака съ язычникомъ и многоженцемъ. Вотъ почему она и нашла нужнымъ испугать слѣпотою варварскаго князя.

Владиміръ отвѣтилъ : — „Если такъ случится, то поистинѣ великъ будетъ Богъ христіанскій“, — и заявилъ, что готовъ креститься.

Епископъ корсунскій и священники царевны совершили надъ нимъ таинство, и, — по сказанію лѣтописи, — когда возложили на него руки, то онъ вдругъ прозрѣлъ и воскликнулъ: — „Теперь только я узналъ истиннаго Бога!“ Видя это, крестились многіе изъ дружины княжеской.

Но далеко не всѣ отнеслись радостно къ такому событію какъ въ войскѣ, такъ и въ Кіевѣ. Лишь непоколебимая вѣрность долгу и воинской чести удерживала большинство рус-

Св. равноапостольный кн. Владиміръ.

скихъ дружинъ подъ знаменами сына Святославова, перемѣнившаго, при крещеніи, свое славное имя Владиміра на безвѣстное и чуждое русскимъ имя Василя.

Но для насъ и для нашего народа „былинный“ князь „Красное Солнышко“ на всѣ вѣка остался Владиміръ, и даже святая Церковь до днесь чтить его подъ этимъ русскимъ именемъ, какъ и мудрую бабу его называетъ Ольгою, а не Еленю, по греческому имени, данному ей при крещеніи въ Царьградѣ.

Послѣ крещенія совершенъ былъ бракъ великаго князя Владиміра съ царевною Анной. И возможно, что это торжество происходило въ той церкви, на развалинахъ которой сооруженъ нынѣшній богатый храмъ во имя св. Владиміра, далеко видный съ моря...

Раздавшійся изъ-за угла призывъ моихъ спутниковъ заставилъ меня очнуться... Отъ грандіозныхъ стѣнъ, башенъ и дворцовъ ничего не осталось, кромѣ жалкихъ развалинъ „мертваго города“. На безоблачномъ небѣ сіялъ золотой крестъ новаго собора, внизу чернѣли силуэты пушекъ береговой батареи, сверкала необозримая гладь воды, подернутая золотисто-розовою дымкой прозрачной мглы, доносился рокоть прибоя мѣрно вздыхающаго моря...

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

два журнала

XXXII „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ XXXII

И

„Педагогическій Листокъ“

НА 1900 ГОДЪ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія журналъ „Дѣтское Чтеніе“ разрѣшенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни; журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ заведеній для воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ.

Въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ помѣщаются: а) повѣсти, рассказы и сказки (оригинальныя и переводныя); б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи замѣчательныхъ людей; г) популярно-научныя статьи, знакомящія съ природой и человѣкомъ; д) путешествія; е) мелкія статьи (по бѣлу-свѣту), изъ книгъ и журналовъ; ж) шутки, игры и занятія; и) задачи, ребусы, шарady и проч.

„Педагогическій Листокъ“ въ 1900 г. будетъ выходить *восемь разъ* въ годъ (въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ) книжками отъ 6-ти до 8 листовъ. Разрѣшенъ къ выпискѣ въ учительскія библіотеки (1896 г.).

Въ „Педагогическомъ Листкѣ“ будутъ печататься статьи по вопросамъ домашняго воспитанія, элементарнаго обученія въ школѣ и дома, по гигиенѣ домашней и школьной, законовѣдѣнію, очерки по всемірной литературѣ, общей географіи и общественно-школьнымъ вопросамъ, а также будутъ помѣщаться, кромѣ статей специально-педагогическаго характера и статьи общенаучныя для самообразованія учителя, *периодическій указатель* дѣтской и учебной литературы, содержащій въ себѣ краткое изложеніе и разборъ *вновь выходящихъ книгъ* для дѣтей, учебныхъ руководствъ, и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ и въ „Педагогическомъ Листкѣ“ принимаютъ участіе: *Альбовъ М. Н. — Баранцевичъ Е. С. — Вагнеръ В. А. — Глинскій Б. Б. — Гольцевъ В. А. — Дружининъ Н. П. — Засодимскій П. В. — Ивановъ И. И. — Корончевскій Д. А. — Маминъ-Сибирякъ Д. Н. — Мачтетъ Г. А. — Мордовцевъ Д. Л. — Невъжинъ П. М. — Немировичъ-Данченко Вас. Ив. — Остро-*

горскій В. П. — Потапенко И. Н. — Ремезовъ М. Н. — Рубакинъ Н. А. — Сергѣенко П. А. — Скабичевскій А. М. — Соловьевъ-Несмѣловъ Н. А. — Станюковичъ К. М. — Тихомировъ Дм. Ив. — Тихомирова Е. Н. — Чеховъ А. П. — Эварницкій Д. И. — Оедоровъ-Давыдовъ А. А. Въ художественномъ отдѣлѣ: Андреевъ В. И. — Бондаренко Ѳ. Ѳ. — Чичаговъ К. Н. и др.

Въ „Дѣтскомъ Читеніи“ въ 1900 г. среди другихъ произведеній будутъ напечатаны: 1) Большая повѣсть *Вас. Ив. Немировича-Данченко*; 2) рассказы *Д. Н. Мамина-Сибиряка, К. М. Станюковича, К. С. Баранцевича, И. Н. Потапенко, М. Н. Альбова*; 3) Историко-біографическіе и литературно-культурные очерки *Ив. Ив. Иванова, Д. А. Корончевскаго, Б. Б. Глинскаго*; 4) *Д. И. Эварницкаго* „Изъ исторіи Запорожской сѣчи“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Дѣт. Чт. съ Пед. Лист.	Дѣтское Читеніе безъ Пед. Л.	Пед. Лист. безъ Дѣт. Чт.
Безъ дост. на 1 г. 5 р.—к.	Безъ дост. на 1 г. 4 р. 50 к.	Безъ дост. на 1 г. 1 р. 50 к.
Съ дост. и	Съ дост. и	Съ дост. и
перес. на 1 „ 6 „ — „	перес. на 1 „ 5 „ — „	перес. на 1 „ 2 „ — „
Безъ дост. на $\frac{1}{2}$ „ 3 „ — „	Безъ дост. на $\frac{1}{2}$ „ 2 „ 25 „	Безъ дост. на $\frac{1}{2}$ „ 1 „ — „
Съ дост. и	Съ дост. и	Съ дост. и
перес. на $\frac{1}{2}$ „ 3 „ — „	перес. на $\frac{1}{2}$ „ 2 „ 50 „	перес. на $\frac{1}{2}$ „ 1 „ — „
Безъ дост. на $\frac{1}{4}$ „ 1 „ 50 „	Безъ дост. на $\frac{1}{4}$ „ 1 „ 15 „	
Съ дост. и	Съ дост. и	
перес. на $\frac{1}{4}$ „ 1 „ 50 „	перес. на $\frac{1}{4}$ „ 1 „ 25 „	

За границу на „Дѣтское Читеніе“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ 8 руб.

Плата за объявленія въ журналъ: за страницу 20 р., а полстраницы 10 р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Большая Молчановка, домъ № 24, Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Книгопродавцы пользуются уступкой 5%.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.**

Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**